

что ты ревнивъ, а между тѣмъ я тебѣ не сказала, какъ именно я тебя обманываю... И ты не жди, не скажу!

Она стала хохотать.

— Раекъ, тебѣ вредно такъ смѣяться! Того и гляди, опять заплачешь. Милая, прошу тебя никогда не ходи одна безъ меня въ такія мѣста, гдѣ ты можешь наткнуться на непріятности, взволноваться, и вообще, Раекъ, надо же беречься. Ты же не забывай своего положенія! *Потомъ*, когда *все* пройдетъ, ну, тогда другое дѣло. Ты ужъ не дѣвочка, ma petite, и тебѣ опека не нужна. Ты умная головка у меня. Но теперь ты *пока* подъ моею опекой. Ты вѣдь не одна. Tu n'es pas seule, Раекъ. Малѣйшее волненіе твое дурно отражается и на *немъ*...

— Неужели, Одея, дурно отражается?

Раиса обняла мужа за шею и смотрѣла ему въ глаза.

— А какъ же! Разумѣется, дурно! Мнѣ хотѣлось бы, Раекъ, чтобъ онъ былъ крѣпкій, яблочко наливное, чтобъ у него нервы были въ порядкѣ и чтобъ ко мнѣ обращались съ вопросомъ: „позвольте узнать, докторъ, какой это съ вами геркулесъ гуляетъ?“—А это мой сынъ, Оедоръ Оедоровичъ. „А позвольте, узнать, докторъ, ему лѣтъ пять будетъ?“—Что вы, Иванъ Ивановичъ, помилуйте! Оедору Оедоровичу всего полтора года.

Раиса спрятала голову на груди мужа и притянула его къ себѣ.

— Ты развѣ хочешь, чтобы былъ сынъ?—спросила она.

— А ты, Раекъ?

— Пускай будетъ дочь,—сказала Раиса.

— Ну, пускай,—нѣхотя согласился Оедоръ Игнатьичъ.

— Мы назовемъ ее Софьей.

— Хорошо.

— Знаешь, Одея, я уже обдумала всѣ наряды, какіе я сдѣлаю ей. Она будетъ брюнетка, и должна родиться съ длинными волосами. А глаза у нея будутъ голубые, *bleu de ciel*. Я ее постоянно буду водить во всемъ бѣломъ, но только будутъ ленты, самыя лучшія, шелковыя—сегодня красныя, завтра синія, но только не яркія. Надо, чтобы со вкусомъ... А кого мы позовемъ крестить?

— Надо мамашу.

Раиса помолчала и спросила:

— А кто будетъ кумомъ?

— Я хотѣлъ пригласить Рѣзникова.

— Ни за что, ни за что!

— Онъ славный малый.